

Дорога обратно к Тисовой улице номер 4 была напряженной, как всегда. Здесь был распорядок, своего рода ритуал, которому следовали четверо родственников в машине каждый раз, когда Гарри возвращался из Хогвартса в Суррей. Вернон, ограниченный фанатик, вел машину, рыча всякий раз, когда видел что-то или кого-то, что не вписывалось в его совершенно нормальный мир; Излишне говорить, что он делал это всю обратную дорогу. Петунья, сплетница-гарпия, отпускала ехидные комментарии обо всех своих соседях, хотя было ясно, что ни один из трех самцов в машине их не слушает. Дадли, который был на месяц старше мальчика-волшебника и весил уже как три Гарри, постоянно пихал себе в горло конфеты и сладости, а его пороссячьи глазки не видели ничего, кроме пути между рукой и ртом. В прошлом, Гарри бы промолчал, переживая заново какое-то травматическое событие, знаменующее закрытие учебного года, но сейчас он молчал, потому что ему нечего было сказать трем людям, с которыми он ехал. По крайней мере, еще нет.

«Ах, мы приближаемся», — подумал он, узнав несколько достопримечательностей Литтл-Вингинга. Аккуратно сунув палочку в руку, он постучал по оправе очков и прошептал: Внешние края линз замерцали, словно отражая поверхность озера, и в нескольких кварталах от них вспыхнул коричневато-красный купол толщиной с бумагу. Заклинание магического зрения было более эффективным при использовании на глазах, а не очки, но ему не нужно было видеть руны и формулы для хваленного кровавого оберега. Нет, его интересовал поиск более подходящего оберега. первый из нескольких бледно-розовых шаров — датчики открытой палаты, которую Министерство в своем безграничном интеллекте решило установить вокруг дома Дурслей.

Уорды были двух разных типов, и на Тисовой улице было по одному каждого типа. Закрытые чары, такие как кровавые чары или чары против аппарации, служили барьерами и не позволяли волшебникам выполнять определенные действия. Они могут быть настолько конкретными или общими, насколько это необходимо; транспортные обереги, например, только прерывали определенную форму магического путешествия, но военные обереги, которые он мог поставить вокруг поместья Поттеров, защищали дом и его обитателей от множества угроз.

С другой стороны, открытые обереги были настроены на обнаружение всего, о чем хотели знать их заклинатели. Табу, которое Волан-де-Морт использовал во время Второй войны, было общенациональной открытой охраной, в то время как та, на которую сейчас смотрел Гарри, записывала любую магию, которая использовалась поблизости от номера 4. Вот почему он был зарегистрирован как источник. парящего обаяния Добби в 1992 году, и, как и След, этот волшебный детектор должен быть подавлен, если он хочет выполнить какую-либо работу этим летом.

К счастью, Гермиона что-то поняла в конце их первого года, когда заявила, что у волшебников нет логики. Каждая записывающая сфера имела свой собственный диапазон, и ни один из этих диапазонов не перекрывался. Это создало «мертвые зоны», где можно было использовать магию, и никто в министерстве не знал об этом. Когда он впервые пережил наступающий август, его чары Люмоса случайно были применены в одной из этих безопасных зон, поэтому Министерство не прикрепило этот заряд к его использованию Зубцов.

Обычная ведьма или волшебник не должны были ничего знать об открытых чарах, потому что на самом деле их было довольно просто нейтрализовать. Гарри так и сделал, и это дало ему

тактическое преимущество перед отбросами зоопарка, с которыми он имел несчастье делиться кровью; когда произойдет столкновение, а он знал, что это произойдет, он сможет безопасно использовать их величайший ужас, чтобы заставить их оставить его в покое до конца лета.

Служебная машина Вернона, наконец, подъехала к подъездной дорожке, и Дурсли оставили его, чтобы он собрал все свои вещи и занес их внутрь. Не то чтобы это была задача, учитывая, что он наложил на свой сундук легкие чары еще до того, как Хогвартс-экспресс прибыл на станцию, но в этом был принцип.

Я не должен так уж удивляться, проворчал про себя Гарри, потому что когда они когда-либо делали что-то для меня из доброты? Даже приняли меня, потому что беспокоились, что другие волшебники следят за каждым их шагом. Он нес свой чемодан через кухню и уже начал подниматься по лестнице, когда услышал рев Вернона.

«Мальчик, ты складываешь все свои... вещи в шкаф. У тебя так много работы по дому, что у тебя не будет времени на свои причуды».

Он что-то напевал себе под нос, ставя чемодан на нижнюю ступеньку и возвращаясь на кухню, где стоял его дядя. Ах, вот где надоедливый жук! Сфера палаты Министерства зависла в одном из углов комнаты, между прочим, за внушительным телом Вернона. Эта установка была слишком идеальной для Гарри, чтобы сопротивляться тому, чтобы немного повеселиться.

«Нет, Вернон, я не думаю, что смогу выполнять эту работу по дому. У меня уже слишком много проектов этим летом. Магические проекты», — сказал он, наслаждаясь тем, как гуманоидный морж становится фиолетовым. Точно так же, как Луна больше не боялась того, что ее соседи по дому сделают с ней, ему было все равно, есть ли у Вернона проблемы с тем, кем он был или что делал.

Вернон указал на него дрожащим пальцем. «Теперь слушай сюда, мальчик. Твоя тетя и я смирились с твоей... ненормальностью, так что ты будешь делать то, что мы тебе скажем, чтобы компенсировать то, что ты истощаешь нас. Мы кладем еду в твой неблагодарный рот...»

«Еду, которую готовлю я, и ем только то, что вы трое не можете убрать».

"...и крыша над головой..."

«Я не уверен, что шкаф под лестницей действительно считается».

— ...так что ты прячешь свои чертовы трюки в этот шкаф, или так помоги мне ...

"Или так помочь вам что!" — крикнул Гарри. Это было неожиданностью для тучного человека, и Гарри вышел из себя; он хотел сказать это в течение многих лет. — Ты не можешь сделать со мной ни хрена! Знаешь почему, урод? Он знал, что не должен, но не мог сдержать

удовольствия, которое он испытал, бросив любимый эпитет Дурслей в адрес одного из них. Шестнадцать лет словесных оскорблений оставили столько же шрамов, сколько и физического насилия, даже если они были невидимы невооруженным глазом.

Он медленно вытащил свою палочку, размахивая ею перед Верноном, который сделал шаг назад. «Я могу делать, что хочу и когда хочу, и тебе просто придется к этому привыкнуть. Теперь у меня есть сила, Вернон».

— Но ты не можешь, — выдохнул морж, — тебя выгонят из этой твоей школы.

«О нет, не будут. Видите ли, правила меняются, когда вы заканчиваете четвертый курс; я могу использовать магию, когда захочу, и они не сделают ничего, чтобы меня остановить. Конечно!» Синий луч света вылетел из палочки, пронесся над виском Вернона и попал точно в центр узла Министерства. Он приобрел ярко-красный оттенок и уменьшился с размера надувного мяча до размера яблока, указывая на то, что он был временно отключен.

«Смотрите, никаких сов». Гарри постучал кончиком палочки по ладони, чтобы привлечь внимание Вернона; Страх был единственным языком, который понимал мужчина, так что ему нужно было сыграть именно так. — Знаешь, в этом году в Защите нас научили интересному маленькому заклинанию под названием «Проклятие Круциатус». Оно причиняет боль, такую сильную боль, что люди, находящиеся под его действием, на самом деле сошли с ума. Законы считают магглов — это вы, дядя, если вы забыли, — не более чем животными. Я уверен, что Министерство не возражает против того, чтобы я использовал вас для практики.

К этому времени лицо Вернона побелело от старой каши, и он споткнулся, споткнувшись и упав на пол. — Ты не можешь этого сделать, — прошептал он, — ты недостаточно силен.

«Вернон, Вернон, Вернон. Ты дал мне четырнадцать лет ненависти к тебе, твоей жене и твоему сыну. Ты никогда не думал, что она вернется, чтобы преследовать тебя?» Он подошел к тому месту, где лежало тело его дяди, и направил палочку прямо ему в лоб. «Назови мне причину, по которой я не должен убить тебя сейчас».

Этого было достаточно для Вернона, и он со всхлипом испачкался. Вонь была невыносимой, но Гарри не сводил своих зеленых глаз с мутно-голубого.

— Поскольку ты не можешь придумать ни одного, я скажу тебе. Просто убить тебя было бы недостаточно. Нет, я хочу, чтобы ты страдал, а тревога — одна из величайших форм страдания. Я вытащу свою палочку, чем я тебя прокляну. Я причина, по которой твоя спина отказывается, удерживая тебя в постели неделями? Если ты потеряешь работу, это из-за твоей собственной некомпетентности или моей магии? увяли призовые бегонии Петунии, или дело в погоде? И знаешь, что самое приятное, Вернон? Неважно, виноват я или нет, я знаю, и ты знаешь, что ты не можешь сделать со мной ни одной чертовой вещи в свою очередь, не без того, чтобы очень, очень разозлить меня ».

Он убрал палочку от дяди и сотворил в левой руке три маленькие глиняные фигурки, по одной

для каждого из Дурслей, которые он держал перед лицом Вернона. «Я держу жизнь твоей семьи в своей ладони. Оставь меня в покое, и ты можешь просто пережить это лето целым и невредимым. Создавай проблемы, — он сжал кулаки вокруг моделей, сжимая глину между пальцами, — и я... Превратим оставшееся время на этой земле в ад.

"Ты понимаешь?" Вернон уставился на него, поэтому выстрелил щипком в плечо мужчине. "Ты понимаешь?" На этот раз морж кивнул, и Гарри вернул палочку в карман. Он вышел из кухни, затем заглянул обратно. — И приберись. Это же не сарай, в конце концов.

Схватив свой чемодан, он, пошатываясь, поднялся наверх и попытался свести тряску конечностей к минимуму. Только после того, как он закрыл дверь в свою спальню, он позволил себе рухнуть.

Борода Мерлина оказалась сложнее, чем я ожидал. Я не хочу, чтобы они боялись меня, но ничто другое не заставит их отступить. Он вытер лоб, с удивлением обнаружив себя в холодном поту. Мне нужно привести поместье Поттеров в порядок, чтобы мне больше не пришлось здесь жить. Моих угроз, вероятно, будет достаточно, но на всякий случай мне придется остерегаться. Неизвестно, попытаются ли они избавиться от меня, если я не буду за ними следить.

Поездка Гермионы домой была не менее неудобной, чем поездка Гарри. Вот почему она все распланировала: то, что в то время казалось хорошей идеей, определенно не было задним числом. С наступлением ночи ее мать становилась все более замкнутой; ее отец, с другой стороны, начал ворчать из-за того, что у нее есть парень, как только они покинули Кингс-Кросс, продолжил, пока они обедали, и все еще был сильным, когда они вошли в парадную дверь своего дома в Челси. С горящим от смущения лицом от его угроз причинить тяжкие телесные повреждения и бесплатный стоматологический осмотр, она бросилась в свою спальню.

Ооооооо, мне нужно отремонтировать это место. Ее стены были темно-розовыми, что совершенно не соответствовало голубому и серому, которые ее любовники выкрасили в главной спальне в поместье. Ее ковер был толстым ворсистым ковром, и хотя она хотела бы сделать его достойным своего имени, он слишком отличался от того, к чему она привыкла. В довершение всего, кровать, стоявшая посреди комнаты, была, к ее большому стыду, полностью завалена декоративными подушками. Когда она переехала к Гарри, она взяла с собой часть из них, чтобы добавить изюминку, но он и Луна поставили ей ультиматум, как только увидели, сколько у нее их: она могла спать либо со своими подушками, либо со своими любовниками. . Очевидно, она сразу вернула их на хранение.

Ее книжные шкафы, однако, были самым большим бельмом на глазу. Она заполнила их до отказа, из-за чего было трудно вытащить любую из ее книг, не вызывая лавины бумаги. Ее мать постановила, что в ее комнате может быть только три книжных шкафа, а это означало, что ей нужно было заглушить свое горе и упаковать несколько книг; обратив внимание на свободные места, она поняла, что не может даже разместить на полках все учебники прошлого учебного года. Со вздохом она переложила сморщенный сундук из кармана на ближайшую тумбочку и начала трудоемкий процесс сортировки книг.

Через полтора часа после того, как она начала, в ее дверь постучали. "Открыто!" — крикнула она, все еще думая о том, следует ли ей поместить роман в руке в стопку «поставить на полки, если есть место» или «заслуживает второго взгляда». Мысленно подбросив монетку, она бросила ее на первую, которая была в несколько раз больше второй, но все же меньше стопки «держат в комнате». В стопке «выброса» была только одна книга.

— Ничего, если я войду? — спросила ее мать. — Я хотел поговорить с тобой о Гарри.

Гермиона вздохнула. «Это разговор «Я хочу, чтобы ты держалась от него подальше» или разговор «Я собираюсь получить как можно больше информации, чтобы отпугнуть тебя от свиданий с ним»?

«Ни то, ни то, что «ты уезжаешь на десять месяцев в году, и хотя я знаю, что ты больше не нуждаешься во мне или не хочешь, чтобы я был рядом, я все еще надеюсь стать хотя бы небольшой частью твоей жизни». "

Она виновато поморщилась. В будущем она уходила все дальше и дальше от своих родителей и маггловского мира с годами. Это что-то говорило об их отношениях, когда воспоминание очаровало их было легче, чем объяснить, почему им нужно покинуть страну. — Я не имел в виду, что не хочу быть с тобой или папой. Между чемпионатом мира по квиддичу прошлым летом и Святочным балом я не осознавал, как мало времени мы провели вместе.

«Я знаю, что нет, дорогая. Я знала, когда ты хотела поступить в школу-интернат, что мы с твоим отцом будем скучать по твоему взрослению; я просто не ожидала, что это будет так больно». Мать устроилась на одеяле кровати. — Теперь о Гарри?

"Что насчет него?"

«Этот поцелуй не был чем-то, что делают два человека, которые только начали встречаться. Он был слишком интимным для этого».

— Не могли бы вы просто задать вопрос, который хотите задать? — спросила она, ее щеки окрасились румянцем.

— Хорошо, вы двое занимались сексом?

Как мне ответить на это? Да, мы много раз занимались сексом, но в данный момент этого не было. Она уже знает, что между нами что-то происходит, поэтому я не могу сказать «нет», но, учитывая, что я сказал им, что не был в отношениях в письме, которое я отправил в то Рождество, несколько месяцев невероятно быстро для меня, чтобы прыгнуть в его кровать. Может быть, средняя дорога была бы лучше?

«У нас не было секса, кроме орального, нет».

Мать тоже покраснела. «Это было гораздо более конкретно, чем я ожидал услышать».

«Мама, я понимаю твои опасения, и я готов ответить на твои вопросы откровенно и честно. Но если ты не хочешь это слышать, мы всегда можем отложить это...»

«Нет, нет, нам нужно убрать это с дороги». Мать глубоко вздохнула, пытаясь расслабиться. — Значит, вы двое планируете сделать это этим летом?

«Нет, мам, мы с Гарри не будем заниматься сексом по крайней мере до конца октября». Вздернутая голова побудила ее объясниться. «Вот когда Луне исполнится пятнадцать».

— Почему ты ждешь, пока ей исполнится пятнадцать?

Вот и настал момент истины, подумала Гермиона. Она не принимала свое влечение к другим женщинам до тех пор, пока не уничтожила воспоминания своих родителей, поэтому она не была уверена, как они отреагируют на то, что она, так сказать, выйдет из туалета. «Я жду, потому что возраст согласия в «Волшебной Британии» — пятнадцать, и я хочу, чтобы мой первый раз был с моей девушкой, а также с моим парнем».

"Ой." Ее мать была шокирована, но, по крайней мере, она не чувствовала заметного отвращения. — Значит, ты... ты...

«Я бисексуал, мама». Она потянулась, чтобы взять мать за руку, но вздохнула и отстранилась, когда пожилая женщина отстранилась. Она печально сказала: «Я думала, ты будешь счастлив, что я нашла людей, которые меня любят».

«Я не несчастен, Гермиона. Но почему? Разве встречаться с Гарри было бы недостаточно, не встречаясь также с Луной? И как он справляется с тем, что у его девушки есть кто-то на стороне?»

— Эм, мам? Гарри тоже встречается с Луной. Она увидела растерянное выражение лица своей матери и поспешно сказала: «Нас с ней обоих влекло к Гарри, и когда мы поняли, что у нас также есть чувства друг к другу, мы почувствовали, что можем наладить отношения. Гарри, конечно, не возражает». у меня две подруги. Мама? Миранда?

Ее мать начала с ее имени: «Понятно. Э-э, все в порядке». Она встала с кровати и машинально подошла к двери. «Увидимся утром за завтраком».

«Мама, пожалуйста, не уходи. Я не хочу, чтобы ты злилась на меня только за то, что я такая».

— Я не сержусь, Гермиона. Мне... нужно время, чтобы обдумать это, вот и все. Завтра мы поговорим подробнее. С тем она и ушла.

Гермиона упала лицом в кровать, по ее щекам текли слезы. Все прошло не так хорошо, как она надеялась. Хорошо, что в этом месяце Гарри в основном отремонтирует поместье. Мне может понадобиться жилье раньше, чем я планировал.

Дорога Луны домой была короткой и без происшествий. Она и ее отец воспользовались камином, чтобы добраться до Ладьи, а затем приготовили простой ужин. Расчесывая волосы перед сном, она не могла не радоваться тому, что Ладья наконец вернулась. Как здорово снова быть дома.

<http://tl.rulate.ru/book/74295/2061675>